

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2025. № 2 (87). С. 81–94.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2025; 2 (87):81–94.

Научная статья
УДК 821.161.1.09
DOI 10.37724/RSU.2025.87.2.008

Питерячка как героиня русской художественной литературы XIX–XXI веков в ее краеведческом аспекте

Елена Александровна Самоделова
Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия
helsa@rambler.ru

Аннотация. Впервые исследуется типаж «питерячки» в истории русской художественной литературы, появившийся во второй половине XIX века и до сих пор остающийся актуальным. Наименование героини характерно для северо-русского говора и отмечено на территориях, расположенных к северу от Москвы, начиная с Тверской губернии/области и простираясь до Петербургской губернии / Ленинградской области (по имеющимся данным; но его ареал может быть шире, распространяясь на Северо-Запад и Русский Север). Интересно, что диалектизм закреплён именно в беллетристике, проник даже в заглавия литературных произведений, но пока не зафиксирован в диалектных словарях, хотя есть в Национальном корпусе русского языка. Произведения, в которые внедрено слово «питерячка», имеют общие моменты в сюжетах: обрисовывается героиня (в том числе с ее внешностью, одеждой и особенностями речи), родом из деревни, побывавшая в Питере и вернувшаяся обратно или, реже, пытающаяся обосноваться в окрестностях столицы. Наблюдаются обязательные элементы повествования и художественные детали: описание поезда и происшествия на железной дороге, первое знакомство с огромным городом, наличие паспорта или хотя бы вопрос о нем, часы-луковица как важный атрибут героини (он же является непременным для «питеряков»). С возвращением российской столицы из Петрограда (Санкт-Петербурга) в Москву в 1918 году, казалось бы, литература о питерячке должна была иссякнуть, но этого не произошло благодаря появлению произведений биографического характера с обращением к личным впечатлениям и опыту предков. Эти тексты имеют мемуарную основу уроженцев Тверской, Костромской, Петербургской губерний (на протяжении веков такие сочинения создавали и писатели родом из Вологодской и Ярославской губерний). Питерячка представляет собой более конкретный типаж отходника (его северо-русскую региональную разновидность) в женской ипостаси. По данным художественной литературы, в социальном плане этот женский статус варьируется даже в более широком диапазоне — от крестьянки до мещанки. Обращение писателей к образу питерячки, описание этого типажа с позиции крестьян или близкой к ним прислуги — все это свидетельствует о поиске новых форм фольклоризма в литературе.

Ключевые слова: питерячка, питеряк, «Хроника села Смурина» П. В. Засодимского, «Портрет Василия Мещерина» И. В. Евдокимова, «Восьмой Комплекс Скифа» А. И. Чистякова-2, Анна Доганович, А. Чистяков.

Для цитирования: Самоделова Е. А. Питерячка как героиня русской художественной литературы XIX–XXI веков в ее краеведческом аспекте // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2025. № 2 (87). С. 81–94. DOI: 10.37724/RSU.2025.87.2.008.

Original article

‘Piteryachka’ woman as a heroine of Russian fiction of the 19th–21st centuries in regional studies

Elena Aleksandrovna Samodelova

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
helsa@rambler.ru

Abstract. This is the first attempt to study the type of the ‘Piteryachka’ (a Petersburg woman) in Russian fiction. It first appeared in the second half of the 19th century and still remains relevant. This nickname for a heroine is characteristic of the Northern Russian colloquial speech and is found in territories north of Moscow, starting from the Tver Governorate/Region and extending to the Petersburg Governorate (renamed to Leningrad Region); this is supported by available data; but the areal of use may be even wider, extending to the North-West and the Russian North). It is interesting that this dialect word occurs in fiction, penetrating even into titles of literary works, but is not yet entered in dialect dictionaries, although the National Corpus of the Russian Language quotes it. The works in which the word ‘Piteryachka’ is embedded share these plot features: the author describes a heroine (her appearance, clothes and speech peculiarities) who was born in a village, but has been to St. Petersburg and comes back home or, more rarely, tries to settle in the neighborhood of the capital city. Certain elements of narrative and artistic details obligatory are common: a description of the train and a railroad incident, the woman’s first acquaintance with the huge city, a mention of her passport or its absence, an onion-shaped pocket watch as an important attribute of the heroine (it is also indispensable for a ‘Piteryak’ – a male character). With the return of the Russian capital from Petrograd (St. Petersburg) to Moscow in 1918, it would seem that fiction works about Piteryachkas could cease. However, this did not happen as there appeared biographical publications devoted to personal life experiences. These texts were based on memoirs of natives of Tver, Kostroma, and Petersburg (over the centuries, such works were also written by writers from the Vologda and Yaroslavl areas). The *Piteryachka* is a specific North-Russian female type within a bigger social group: *otkhodniks* (itinerant or seasonal workers). According to fiction, in social terms this female status varies even more widely, from peasantry to lower middle class. When modern writers create images of *Piteryachka* women, they show them through the eyes of local peasant women or servants of landowners. This reveals the authors’ search for new folklore forms in literature.

Keywords: Piteryachka, Piteryak, ‘Chronicle of the village of Smurino’ by P. V. Zasodimsky, ‘Portrait of Vasily Mescherin’ by I. V. Evdokimov, ‘The Eighth Complex of Scythian’ by A. I. Chistyakov-2, Anna Doganovich, A. Chistyakov.

For citation: Samodelova E. A. ‘Piteryachka’ woman as a heroine of Russian fiction of the 19th–21st centuries in regional studies. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2025; 2 (87):81–94. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2025.87.2.008.

Введение

О выявлении диалектизма «питерячка» и о его смысловом определении

Северно-русский диалектизм «питерячка» имеет сравнительно небольшую хронологию, базирующуюся на основании Санкт-Петербурга в 1703 году благодаря Петру Первому, но документально зафиксирован примерно с середины XIX века, гораздо позже своей мужской ипостаси — «питеряк» [Самоделова, 2025], когда женщины ощутили собственную относительную гендерную независимость, что произошло после отмены крепостного права в 1861 году, и стали устраиваться на работу и нанимать жилье в российской столице. Показательно, что слово «питерячка» до сих пор не зафиксировано в печатных диалектных словарях, но имеется в Национальном корпусе русского языка и в интернете.

Диалектизм нашел отражение в художественной литературе и публицистике, в том числе в заглавиях: «Питерячка» А. Н. Доганович, родом из села Чудово Новгородской губернии, и в одноименном рассказе А. Чистякова [Доганович, 1903 ; Чистяков, 1928]. Вся беллетристика

про питерячку создана писателями, родившимися на прилегающей к Санкт-Петербургу территории в XIX–XXI веках. Это уроженцы Новгородской, Вологодской, Костромской и Тверской губерний/областей, по социальному статусу происходившие из мелкопоместных дворян, крестьян, а в XX–XXI веках — горожане, имевшие старших родственников в деревне и приезжавшие в детстве к ним на лето; все они прекрасно знали местный диалект, относящийся к северно-русскому говору.

Несомненно, этот диалектизм следует искать в полевых диалектологических экспедициях в Архангельскую, Новгородскую, Ярославскую области и, возможно, в Псковскую, Ивановскую области и Республику Карелию, а также дополнить уже имеющиеся в художественной литературе словоупотребления новыми научными записями с контекстуальным обрамлением в Ленинградской, Костромской, Тверской области. Питерячка — это женский тип отходника — в параллель к его мужскому аналогу — «питеряку», то есть крестьянину, отправлявшемуся в XIX–XX веках на временные (часто сезонные) заработки в Питер (Санкт-Петербург), особенно когда этот город был столицей и, соответственно, наиболее притягивал жителей соседних губерний/областей своим экономическим благосостоянием.

Очевидно, первый раз диалектизм «питерячка» был обнаружен в «Хронике села Смурина» Павла Владимировича Засодимского (1874). Роман появился в печати в 1875 году под псевдонимом Вологодина. Псевдоним напоминал автору о его рождении и юности в Вологодской губернии.

Уроженец соседней Костромской губернии, И. А. Серов, изучавший биографию сестры писателя и художника Е. В. Честнякова (1874–1961) — учительницы Александры — указывал: «На отдельной полке у нее стояли книги писателей-народников. Она доброжелательно относилась к их художественным произведениям. Здесь были: <...> Хроника села Смурина. Из жизни русского крестьянина. П. В. Засодимского-Вологодина (1906)» [Серов, 2002, с. 261]. Сам Е. В. Честняков в 1930-х годах в беседе с учителем А. Г. Грозовым, тоже побывавшем в Ленинграде, упомянул учительницу-питерячку [Грозов, 1999, 308].

Основная часть

«Хроника села Смурина» П. В. Засодимского как первое произведение о питерячке

Питерячкой в эпическом произведении П. В. Засодимского названа Евгения Прокудова, племянница-сирота сельского кулака Григория Ивановича. Диалектное словечко звучит в речи главного героя-кузнеца, в которого влюбилась девушка: «Кряжев же просто сторонился от нее <Евгеша> потому, что не находил, на чем бы и для чего было бы сходить к нему с этой питерячкой, с племянницей закручевского кулака» [Засодимский, 1875, с. 84]. Желая понравиться Дмитрию Кряжеву и считая необходимым заплатить за починку ключа, Евгеша подарила ему вышитый бисером кисет [Там же, с. 84–85]. Интересно, как реагирует на такое внимание кузнец: «Фу, ты, дьявол! — прошептал Кряжев, растерянно оглянувшись на девушку и с досадой потряхивая на ладони кисет. — Видно, что в Питере жила!» [Там же, с. 85]. Показательно, что подобное отношение к «питерячке» было свойственно всем сельским жителям: «А из Питера той порой стали, будто бы, доходить до Прокудовых дурные вести о Евгеше. По слухам выходило, что девка живет не “на месте”, а в любовницах у какого-то офицера и ходит в бархате и в шелку» [Там же, с. 5]. Слухи не соответствовали реальности: «Евгеша ни шелков, ни бархатов, ни денег из Питера с собой не принесла, кроме книжки да нескольких платьев» и «ничего предосудительного замечено в ней не было» [Там же, с. 6]. Важно отметить, что Дмитрий Кряжев, избранник Евгешы, жил в Питере [Там же, с. 87] и, следовательно, был ей под стать, также мог именоваться питеряком, хотя в романе он так не назван. П. В. Засодимский сообщает о нем: «Затем, жительство в столице, частые хождения в город много помогли ему развить наблюдательность. Кряжев много видел и много думал. Он лучше ценил настоящее положение своих смуринцев и отношение их к Закручю, чем многие ученые, специально посвятившие себя разработке вопроса об улучшении быта сельского населения» [Там же, с. 87].

Типичны причины отправки Евгении Прокудовой в Питер и способ вернуть ее обратно в село: «Три года тому назад, когда Евгении едва минуло 17 лет, Прокудовы послали ее в Питер из боязни, как говорили на деревне, чтобы красивая девка не отбивала женихов у их рябой

и золотушной Груни» — двоюродной сестры, дочери дяди по отцу [Там же, с. 5]: наблюдается родство с сюжетом сказки о мачехи и падчерице (СУС 480 = АА 480*В, *С) [СУС], во всяком случае — со сказочным зачином. Как в сказке мачеха, так и в романе жена дяди «Матрена Дмитриевна все-таки предлагала маленько проучить девку для того, по ее словам, чтобы той “легше было опосля питерских порядков за работу стать”» [Засодимский, 1875, с. 6]. Как и в сказке родной отец падчерицы, дядя в романе старается занять нейтральную позицию в семье: «Но Прокудов, вообще недолголюбивавший в своем доме ни шуму, ни гаму и никаких скандалов, на проучку не согласился» [Засодимский, 1875, с. 6].

П. В. Засодимский обрисовал пять важных моментов, на которых основывается представление определенной части народа, населяющего Русский Север и прилегающие территории, о питеряках и питерячках как исторических типах: 1) они отправляются на заработки в столицу из-за сильной нехватки денег или похожих трудных жизненных обстоятельств; 2) уезжают на поезде — невиданной огромной железной машине; 3) на первых порах устраиваются на работу и иногда на ночлег у деревенских знакомых, уже обосновавшихся в Питере; 4) для жизни в столичном городе требуется временный паспорт, который они получают по разрешению родных и сельского схода за определенную плату и который периодически необходимо продлевать; 5) труд в Санкт-Петербурге не требует высокой квалификации, поэтому оказывается достаточно тяжелым, вплоть до изнурительного или запретного. Эти же основополагающие моменты для становления социально-исторического типа питеряка и питерячки как его женской ипостаси будут составлять основу сюжета любого произведения второй половины XIX — первой половины XX века на данную тему.

П. В. Засодимский дал художественные, хотя и краткие описания пути питерячки в столицу: «В Питере нашлись знакомые, пообещались поставить Евгению “на место”. И вот, в одно холодное и сырое октябрьское утро, с узелком под мышкой, Евгения ушла “на машину”, а в другой день, вечером, укатила в Питер» [Там же, с. 5]. В повествовании о дальнейших связях питерячки с родным селом П. В. Засодимский указывает типичные перипетии, основанные на обмане родни, наблюдаемом с обеих сторон: «Дядя уже дважды отписывал ей, чтобы она побывала домой; но девушка не слушалась, ссылаясь на хорошее место, на то, что ее господа “любят и жалуют”, что барыня ее грамоте научила и проч. Дядя отписал построжее, но Евгения выслала ему при письме лишь 3 рубля денег, а о себе ни гугу. Наконец, Прокудов, по наущению своей Матрены Дмитриевны, решился прибегнуть к крутым мерам, попросив в волостном правлении не высылать девке паспорта, а паспортные деньги призадержать и вручить ему. Евгения вынуждена была возвратиться в деревню <...>» [Там же, с. 5]. Истинная причина стремления дяди вернуть племянницу-сироту заключалась в выдаче дочери замуж и в желании снова заполучить бесплатную работницу в семью: «Правду ли, ложь ли говорили слухи; жила ли Евгения в любовницах или нет, до того Прокудовым не было дела. Им нужна была работница и, следовательно, Евгешу надо было заручить восвояси» [Там же, с. 5].

Вернувшаяся в родное село питерячка демонстрирует ореол городского блеска и начинает играть новую для нее роль девушки с широким жизненным горизонтом: «Ей льстило внимание писаря, потому что писарь все-таки не то, что серый мужик, а в некотором роде чиновник. “У нас, Евгения Ивановна, многим вольнее, чем у вас в Питере-с! — заговорил он. — Места у нас — страсть, погулять есть где...”» [Там же, с. 29]. Но девушка выбирает себе в избранники Дмитрия Кряжева, тоже побывавшего в Питере, сельского добровольного общественника, организовавшего земскую кассу взаимопомощи и построившего школу. Родство душ питеряка и питерячки позволило им следовать новым правилам поведения, предпочтя свободные отношения с рождением внебрачного ребенка, но итог оказался трагическим.

П. В. Засодимский приводит приметы времени, наблюдаемые в столичной образованной среде: он дважды подчеркивает появление в Питере кружка «новых людей» [Там же, с. 34–35, 44], известных по только что вышедшему роману «Что делать?» Н. Г. Чернышевского — «роману о новых людях». Главный герой «Хроники села Смурина» Дмитрий Кряжев получил у крестьян прозвище Каторжный за свой несговорчивый характер, хотя и не был на каторге; его прозвание косвенно отсылает к Н. Г. Чернышевскому, побывавшему в каторжной ссылке, реальному представителю «новых людей» в жизни, а не только в книге.

Интересно, что в столицу тайно сбегает одна из двух дочерей сельского священника, получив поддержку местной помещицы, овдовевшей вскоре после выхода замуж и постоянно живущей

в Санкт-Петербурге: «Велико было смущение и замешательство отца Василия, когда он узнал, что Лизавета Петровна увезла его дочку, и смущение это чуть ли еще не увеличилось, когда через неделю он получил по земской почте письмо от Вариньки со штемпелем с.-петербургского <так!> почтамта. Дочь извещала его, что, ожидая помехи со стороны отца, уехала не сказавшись, а учиться акушерству ей, между тем, очень хотелось, что добрая Лизавета Петровна снабдила ее на первое время деньжонками и даже помогла ей найти комнатку, удобную и дешевую, и отрекомендовала ее некоторым своим знакомым, очень хорошим людям. Что она уж подала прошение, надеется в начале января поступить, а через два года, кончивши курс, непременно приедет к родителю уже повивальной бабкой. Варинька просила его не беспокоиться, не гневаться на нее и дать ей возможность кончить ученье. “Из наших, из духовных, нынче очень много учатся акушерству”, — писала она в успокоение отцу» [Там же, с. 138]. Священник согласился с доводами дочери, даже обещал высылать ей деньги, потому что боялся прослыть тираном и оказаться персонажем фельетона от учителя русского языка в «Епархиальных ведомостях», если последует совету просвирницы, племянника и работницы — воротить беглянку.

П. В. Засодимский указал и другие причины отъезда в столицу жителей села, особенно оказавшихся там временно: «Учитель грайворонской школы, по болезни, говорят, уехал в Питер» [Там же, с. 217]. И главный герой романа Дмитрий Кряжев, уже побывавший в столице, после гибели любимой Евгеши и младенца, в подсознании вновь ощущает притяжение большого города: «И потянуло его со Смурина, захотелось ему уйти куда-нибудь или в степи дальние, “за большую реку”, или в Питер, только бы подальше, только бы все это с глаз долой» [Там же, с. 258]; он покинул село, но дальнейший его путь неизвестен. Фразеологизм «за большую реку» обладает двойственной и даже тройственной семантикой, с отсылкой к географической реальности и к фольклорной символике, наиболее сильно явленной в погребальном обряде: 1) в направлении Верхней Волги (ср.: таежное Заволжье, также намекающее на местность компактного проживания старообрядцев); 2) с ориентацией на прежнее Дикое поле, располагавшееся в низовьях Волги; 3) «тот свет» предполагался находящимся по ту сторону огненной реки Морг, и реальные кладбища порой находились за рекой от населенного пункта, а церкви (не кладбищенские), в которых отпевали покойников, могли располагаться в центре села. Соответственно, намерение Дмитрия Кряжева уйти «за большую реку» или в Питер выражало трагичность его настроения, вызванного гибелью семьи, а столица получала эмоциональный оттенок города с «того света».

**Рассказы с одинаковым заглавием —
«Питерячка» А. Н. Доганович и А. Чистякова**

Анна Никитична Доганович в рассказе «Питерячка» (1903) представила женский взгляд на этот социальный тип, выведенный в заглавии. С тонкой наблюдательностью женщины она показала приезд питерячки в сельскую местность: по «шоссированной дороге» шла элегантная дама и чиновник нес ее чемодан [Доганович, 1903, с. 128]. Писательница первым делом подробно описала наряд женщины: «Одной рукой, затянутой в перчатку, дама подняла черное шерстяное платье, из-под которого обозначилась темная шелковая юбка с кружевами; незнакомка осторожно ступала по аллее, избегая весенних луж. Ноги ее были обуты в высокие кожаные сапоги на пуговицах и резиновые ботинки с мерлушковой опушкой» [Там же, с. 128]. Далее автор показал отражение психологии успеха во внешнем облике женщины: «Когда приезжая обернулась к двери, чтобы позвонить, то на лице ее задержалась еще на некоторое время торжествующая улыбка» [Там же, с. 128]. И вновь А. Н. Доганович продемонстрировала одежду женщины, еще с большими подробностями: «Она сняла уже драповую кофточку и шляпу и оказалась одетой в хорошее платье модного фасона, ловко сидевшее на корсете и плотно обтягивавшее ее полную статную фигуру. Из маленького кармашка на груди виднелись черные часики на шелковом шнурке. Черные волосы ее, поднятые на гребенках, образовали на голове круглую модную прическу, отчего полное белое лицо ее выглядело как из рамки. Яркий румянец заливал не только щеки, но и нос, несколько пухлый, славянской формы. Темные дуги бровей над черными глазами резко обозначались на белом высоком широком лбу. Рот у нее был крупный с красными губами, причем концы его опускались несколько книзу и выдавали бальзаковский возраст обладательницы. В общем, она была не только красива, но и представительна» [Там же, с. 129].

Типичной деталью в этом описании оказываются карманные часы, которые много раз с разными подробностями будут упомянуты в рассказе. В этом плане многие произведения про питерщиков, питеряков и данный рассказ о питерячке похожи: почти все они содержат мужские часы как обязательный элемент характеристики героя и, реже, героини. Появились часы-луковица в повести «Питерщик (Похождения Кулачка)» С. В. Максимова (1871) у Семена Торинского [Максимов, 1872, с. 182]; начиная с этого произведения, карманные часы стали почти постоянным атрибутом отходников в Питер, их своеобразной «визитной карточкой».

В рассказе А. Н. Доганович часы расценены сельской прислугой как элемент городской моды («Какая у нас питерская кухарка-то форсистая!»): простоватая девушка Даша не понимает предназначения часиков в приготовлении еды: «Да как же: и обед, и ужин по часам готовит... все так на свои часы и смотрит, и яйца варит по минутам, и пирожки сидят у ней в печке по часам...» [Доганович, 1903, с. 135]. Даша, в отличие от барышни-повествовательницы, убеждена в том, что карманные часы относятся к разряду украшений, говорящих сами за себя: «Вы, мол, неотесанная деревенщина, а я образованная питерячка. Вот она и тычет нам в нос своими часами. А только диви бы часы были золотые, али хоть серебряные, а то железные. И цена-то им грош переломленный! Только для форсу их и носит» [Там же, с. 135]. Интересно, что в этот момент писательница оставляет читателю широкий простор для предположений о дальнейших поворотах сюжета: можно было бы развить линию с потерей часов их хозяйкой или кражей кем-то из прислуги и с показом неумелости питерской кухарки готовить еду без оглядки на точное время; но последующие события оказались иными.

Вполне допустимо также было бы продолжить линию с красивой одеждой кухарки, например, для последующей рискованной любовной интриги с возможными кавалерами, подобно тому, как она уже ввела в заблуждение соседа-чиновника, подносившего ее чемодан. Не менее вероятным стал бы сюжетный ход с враждой между новой кухаркой и другими слугами, поскольку «Татьянины часы почему-то особенно возмущали мою простоватую Дашу, порождая в ней враждебное отношение к приезжей “питерячке”» [Там же, с. 135]; и сама Татьяна, заболев и принимая помощь хозяйки в утолении жара, замечает, что прислуга не помогает друг дружке, прислуживает лишь за деньги господам [Там же, с. 137]. А. Н. Доганович многократно подчеркивает «вековую сословную вражду» между питерячкой и деревенской прислугой, между слугами и господами [Там же, с. 139–140].

Однако писательница направила сюжет по другому сценарию: питерячка оказалась банальной воровкой, присвоившей платье хозяйки-дворянки себе, в итоге уволенной и в отместку устроившей поджог. Главный смысл рассказа заключается в безрезультативности ложной идеи «казаться лучше, чем есть на самом деле», пытаться выглядеть не самим собой, создавать видимость внешнего благополучия. Об этом свидетельствуют странности в поведении кухарки: ее вызов земского врача по причине пустяковой болезни и навязанная плата за услуги (доктор лечит бедняков бесплатно); просмотр спектакля приезжего театра в кресле в первом ряду; пошив одинакового платья с барским и посещение в нем церкви. Некоторые первоначальные требования кухарки выглядят обоснованными и внушают уважение к ней: например, обеспечить ее достойными кухонными принадлежностями, выделить отдельную комнатку для проживания, отпустить на выходные. И если бы сюжет рассказа развернулся по-другому, вывод тоже мог бы оказаться иным: например, что умный человек способен воспользоваться благоприятными обстоятельствами и удачно выстроить свою судьбу, даже будучи выходцем из низов.

Сначала читатель узнает, что питерячка в качестве выписанной из Санкт-Петербурга кухарки попала в дворянскую семью в село Пылянь, отстоявшее «от Петербурга всего в 3 часах езды по железной дороге» [Там же, с. 129]. Так в рассказ проникает знакомый по литературе о питеряках и питерячках образ железной дороги, но не получает в произведении дальнейшего развития. Типовой образ паспорта также есть в рассказе и играет существенную роль: «По паспорту она значилась царскосельской мещанской девицей 45 лет, Татьяной Ивановной Разгуляевой» [Там же, с. 130]; хозяйка-нанимательница забрала документ себе для контроля над прислугой. Анна Доганович ввела в русскую литературу самую близкую к Питеру местность употребления диалектизма «питерячка» — Петербургскую губернию; остальные писатели указывали более дальнюю географию — Вологодскую и Костромскую губернии.

Современная исследовательница-историк Н. В. Черникова, выявившая очерк «Питерячка» А. Н. Доганович и другие подобные произведения, указывает важность проблемы, постав-

ленной перед Государственным советом еще во второй половине XIX века, но не разрешенной из-за технических трудностей: «Дерзость, пьянство, мелкие кражи, пользование барскими вещами (от сигар до платья) представляли в то время обыденное явление, а опасение, что следующий наемный работник может оказаться еще хуже, заставляло господ мириться с поведением прислуги» [Черникова, 2022, с. 242].

Образ питерячки из художественной литературы Российской империи перешел в советскую беллетристику. В 1928 году появляется следующий рассказ с тем же названием — «Питерячка» А. Чистякова, но в нем смещается акцент: главная героиня хотя и проявляет волю, но из-за неграмотности попадает в почти смертельную и одновременно забавную ситуацию [Чистяков, 1928]. В произведении времен НЭПа, как и в «Хронике села Смурина» П. В. Засодимского, также высвечена причина отправки женщины в Питер, высказанная мужу, с которым она поменялась социальными ролями и стала «добытчиком»: «Уй, бесстыжий, только и знает, что пустяки городить, а ребят одевать не твое дело!» [Там же, с. 56].

В рассказе также уделено немало внимания обрисовке поезда и даже железнодорожной станции, как это принято во всей традиции литературы о питерщиках (питеряках и питерячках): «Звякнуло у Ольи <так!> сердце, как громок на корове: вот оно где чужедальняя-то сторонюшка начинается! Тоскливо притихла баба — станция-то ей за город показалась, никогда ведь она не бывала на чугунке этой» [Там же, с. 57]. Затем появляется поезд: «Подходил, хрипя и посвистывая, максим. Красные прямоугольники вагонов проплывали мимо, как огромные кованые сундуки» [Там же, с. 57]. И далее: «Максим запыхтел, звякнул, задрезжал и тронулся, как клеща в гору. <...> Максим дребезжал колесами, уползая за поворот к лесу и тянул бесконечную на самый что ни на есть голодный Питер» [Там же, с. 58]. И еще раз автор использует глагол «дрезжать» как звуковую характеристику поезда, подчеркивающую его металлическую основу, плохо пригнанные друг к другу лязгающие детали: «Дребезжал максим к Питеру, как пьяный мужик, качается, да толкает так, особенно с остановки — только держись» [Там же, с. 59]. Поезд именуется «Максимом», как пулемет времен Гражданской войны, получивший лицензию его изобретателя — британского сэра американского происхождения Стивена Максима Хайрема в Российской империи в 1905 году для производства на «Тульском оружейном заводе», а на вооружении был уже с 1889 года. Причина названия «Максимом» поезда пока не выяснена; вероятно, прежде, в Гражданскую войну, он был укомплектован одноименными станковыми пулеметами, которые ставили на российские бронепоезда и даже на обычные гражданские поезда, пассажирские и грузовые. Именование железной дороги «чугункой» имеет давнюю историю и соотносится с материалом изготовления: например, «Быстро лечу я по рельсам чугунным» говорится в «Железной дороге» Н. А. Некрасова (1864) [Некрасов, 1979, с. 97].

В связи с нестабильностью всей изменившейся жизни в только создавшемся государстве рабочих и крестьян выстроен новый мотив — взятия приступом вагонов поезда, чего не было в предшествующей русской литературе: «Мешочники и спекулянты свирепо лезли в поезд, трещали в давке коробки и корзинки, в воздухе качалась густая матерная брань. Места брали с бою. Метались растерянны вдоль поезда не успевшие сесть бабенки, причитали, приставали, просили пустить Христа-ради. <...> Оля делала попытки залезть в вагон, тянулась за высокие сходы максима, но грузное тело ни чуточки не поднималось, дыбилось на месте, как куль с овсом» [Чистяков, 1928, с. 57]. И далее: «Люди ползали по головам, наступали на ноги, спотыкались, через вещи падали, ругались — такая была теснота» [Там же, с. 58].

Ленинград, бывший Санкт-Петербург, центр притяжения питеряков и питерячек, показан типично — огромным скоплением уходящих в небо многоэтажек, впервые увиденным прибывшей из волостного села крестьянкой: «Съезжилась Оля в комок и душа у нее в кулачок сжалась перед чем-то неведомым и жутким. // Это жуткое и неведомое — Питер. // Он представлялся ей теперь огромным и страшным, скопищем всяких бед, жуликов и разбойников» [Там же, с. 58]. Ленинград — этот город уже не Петербург и даже не Петроград, но все еще по традиции Питер, наследует основные линии в его описании литераторами разных эпох: облик страшной машины, скученность населяющего его люда, непохожесть на село, даже волостное.

Новое в обрисовке города, оказавшегося символическим, «знаковым» для русской литературы и для беллетристики о питерщиках-питеряках в том числе, появилось в связи с трудностями послевоенного времени, наступившего после Первой мировой и Гражданской войн: «И всем он кажется таким голодным, хрипящим в какой-то смертельной агонии, полуободранный, но все еще

богатый Питер, с которого есть что собрать за те жалкие крохи, которые они везли в его утробу. “Эвона сколько нас едет туда денно и ночью, а все ему мало, все голоден, как в бездонную яму сыпь — не накормишь — говорят в вагоне”» [Там же, с. 58]. И даже это нововведение не является абсолютным литературным новаторством: автор использовал имеющиеся в Библии, фольклорных волшебных сказках и в литературных сказках мотив поглощения и типы персонажей-поглотителей: напр., пребывание Ионы во чреве кита, поглощение кораблей китом в «Коньке-горбунке» П. П. Ершова, Обьедало и Опивало (СУС 513 А) [СУС, 1979] и т. д. Интересно, что образ города-поглотителя амбивалентен в рассказе А. Чистякова, и эта двойственность обусловлена послереволюционной эпохой, когда прежняя столица, описанная как огромный очеловеченный персонаж, отчасти сохраняет нажитое за два века существования столичного города богатство, а отчасти превращается в нищего: «А еще заградиловки поставлены везде — видно<,> голодом его хотят заморить, что ли» [Чистяков, 1928, с. 58].

Образ Питера как «поглотителя» усилен новой в его истории чертой, переданной с помощью метонимии: охранники города — «заградиловка» (заградительный отряд — также новшество послереволюционного времени) — принимают подавание в виде нескольких фунтов масла, собранных односельчанами Ольи с пассажиров поезда [Там же, с. 60]; город, как будто живое чудовище-обжора, поглощает продукты в несметных количествах. Едущие в прежнюю столицу питеряки и питерячки понимают сущность чудовища-живоглота, которому, образно говоря, нельзя лезть в огромную пасть: «Миновали вторую и третью заградиловку и, не доезжая до Питера одной станции, высадились и потянулись гуськом в город, потому что знали, что на Питерском вокзале никакие дары не помогут» [Там же, с. 60].

Образ Питера как города-поглотителя дополнен еще одной его характеристикой-метафорой — города-леса: «Вышла из вокзала: дома-то, дома под самое небо! Улицы, переулки, трамваи, грохот и люди — все это загрузилось у Ольи в голову, загудело<,> и утонула Ольга, как в лесу дремучем»¹ [Там же, с. 62]. Подобная характеристика имела у Е. В. Честнякова в стихотворении, озаглавленном по первой строке и передающем ощущения героя с автобиографическими чертами: «Хоть тут и много ходит люда, — / Я одинокий, как в лесу. / Томлюся в Питере покуда» [Честняков, 1999, с. 107]. Героиня А. Чистякова ходит по городу с кошелками, в которых она привезла продукты и после их продажи хранила сделанные покупки (а могла бы с такими плетеными изделиями в лес за грибами и ягодами ходить), и эти большие корзины ассоциируются с городскими зданиями: «Бродит по улице Ольга, а дома-то, как кошелки, один на другой похожи, все они угрюмые, серые и высокие» [Чистяков, 1928, с. 63].

Помня о первоначальном приезде в район Ленинграда — Пески и возвращаясь в своих поисках туда, героиня оценивает огромность даже этой части прежней столицы: «Разве облазишь все квартиры, их на улице-то в каждом доме уйма, в любом Тяпино поместится» [Там же, с. 63]. Питер выглядит смертоносным для героини, у которой «в голове тоскливая мысль о гибели в большом, толкучем, равнодушном городе» [Там же, с. 63].

Мотив затерянности в огромном городе автор объясняет неграмотностью героини-крестьянки, что стало новаторством А. Чистякова. Хотя женщина потерялась из-за невнимательности к окружающей обстановке и утраты чувства реальности, из-за отставания от спутников по поездке в Питер, она все-таки не смогла найти правильную дорогу на нужный вокзал и даже к знакомой питерячке из-за отсутствия самых необходимых знаний: фамилии уроженки родного села, отнесенности селения к конкретной губернии, названия одного из питерских вокзалов и т. п. Существенными знаниями, способствующими оказанию помощи, обладает учитель географии, который сумел уяснить поговору и конкретным диалектизмам принадлежность героини к определенному региону большой страны — к Вологодской губернии, и отправил ее в нужном направлении. Тем самым автор ненавязчиво утверждает реальную пользу знаний, а дальше вводит в повествование сюжетобразующий момент благоприятного случая: героиня в Вологде в трактире случайно встретила питеряка-земляка Архипа, который и привез ее обратно в родное село.

Роль землячества подчеркивалась почти всеми писателями, повествующими о питерцах/питеряках (кроме Е. В. Честнякова и А. Н. Доганович). Хотя неизвестно произведение о первом питеряке (им мог стать рассказ «Питерщик» А. Ф. Писемского, 1852), в большинстве литературных сочинений каждый последующий отходник в Питер отправляется туда вместе

¹ Здесь и далее в угловых скобках поставлены знаки препинания (запятые) в дополнение к авторской орфографии.

с соседями-питерщиками либо к живущим в столице выходцам из родного селения. Оля у А. Чистякова едет в Питер с односельчанами Нифаном (по имени Николай) и Задовым (Иваном Веселовым) к знакомой питерячке и сама становится Питерячкой — получает прозвище в насмешку над ее перипетиями в Ленинграде и Вологде.

Во всех предыдущих и последующих произведениях о питерячках этот тип героини обладает «говорящим» обозначением крестьянской девушки, прибывшей в столицу, проживающей там временно и вернувшейся в родное селение (используется какой-то один статус или целая цепочка их). В своем роде питерячка — это прозвище, а не просто северно-русский диалектизм, однако только у А. Чистякова прямо говорится об этом: «А мужики — тем что! — потужили сначала, а потом посмеялись в шутку: “Эх ты, питерячка!” // Так Олью Питерячкой и прозвали» [Там же, с. 66]. Получается, что рассказ «Питерячка» А. Чистякова представляет собой в своем роде этиологический неомиф (по гносеологической шкале, если брать за основу философское постижение мира). Этот неомиф как бы наследует линию подлинной мифологии и народных преданий о первых насельниках края, первопоселенцах в конкретной местности, обозначает разновидность культурного героя в его женской ипостаси — условно говоря, «культурной героини», приносящей в родное селение городские ценности; причем этот персонаж неомифологии уже низвергается со своего пьедестала — подобно тому, как прежние небесные божества с течением времени начинают осознаваться истуканами.

Более того, рассказ А. Чистякова завершается частушкой, посвященной питерячке и включающей глагол, образованный от диалектного существительного (такой способ словообразования является редким в русском языке) и более пока не зафиксированный в других текстах: «Какой-то балагур даже частушку придумал:

Оля масло накопила,
Прямо в Питер укатила,
Там напитерячилась,
Насилу прикорячилась!..» [Там же, с. 66].

Рассказ «Питерячка» А. Чистякова — единственное юмористическое произведение на введенную в традиционном заглавии тему, пародирующее историю отходника (отходницы) в столицу, ставящее завершающую точку в этом направлении региональной литературы, созданной писателями из Вологодской, Ярославской, Костромской и Петербургской губерний. Собственно, художественные сочинения и документалистика о питерщиках/питеряках прошли путь от обозначения темы, выработки сюжета, создания определенного набора содержательных компонентов и поэтических приемов, выявления и обрисовки социально-исторического мужского типа, дополнения его женским типом — питерячки и низведения ее до уровня пародирования; далее литературная история отходничества в Питер вынужденно должна была закончиться, ибо начался новый этап российского государства и столица вернулась в Москву. В стадиально-историческом плане рассказ А. Чистякова обозначил конечный этап почти двухвекового существования темы питерщиков/питеряков, хотя оказался не последним по хронологическому признаку.

**«Портрет Василия Мещерина» И. В. Евдокимова
и «Восьмой Комплекс Скифа» А. И. Чистякова-2 —
эпические повествования XX–XXI веков о питерячке**

В 1934 году вышла книга — автобиографическая повесть «Портрет Василия Мещерина» Ивана Васильевича Евдокимова [Евдокимов, 1934], обращенная вспять времен. Ее автор — хороший знакомый Сергея Есенина и редактор его «Собрания стихотворений», составитель тома 4 «Стихи и проза» [Есенин, 1927; 2-е изд. 1928]. В начальной главе «Отцы» повести И. В. Евдокимова описано появление девушки из Вологодской губернии в 1880-х годах в Санкт-Петербурге, вынужденно ставшей «питерячкой»: «Гляди, Марьюшка, как устроилась! Третьеводни приехала — и уже самостоятельная питерячка. В гости будем друг к другу ходить. Живи всласть!» — говорит тетка Анисья, сама переехавшая в столицу из деревни и пристроившая двоюродную племянницу снимать «проходной угол» у вдовой прачки с детьми [Евдокимов, 1934, с. 23]. Автор сообщает о ней тоже как о питерячке, хотя и не употребляет этого определения еще раз: «...Тетка Анисья

давно променяла родину на Нарвскую заставу» [Там же, с. 22]. И. В. Евдокимов характеризует тетку, с переездом в Питер забывшую исконные родственные традиции и обычаи гостеприимства: «Двоюродная племянница была тетке как любая встречающая девушка на улице. Марьюшку привели на один день» [Там же, с. 22]. Но к этому вынудили тетку Анисью условия городской жизни, особенно тяжелой для приезжего люда: «Тесный и сырой подвал, точно долго валявшийся на дворе и протухший под дождями дырявый ящик, переполняло несколько семей» [Там же, с. 22]. Марьюшка-питерячка поначалу боится столицы: «Там пугал каждый камень. Там жили какие-то чужаки, казавшиеся еще более враждебными, чем откровенные и бесхитростные родственники» [Там же, с. 22].

Тетка Анисья была женой кондуктора товарных поездов Николаевской железной дороги, она советовала Марьюшке, ждущей ребенка: «Торопись прикрепиться к городу покрепче, а там привыкнешь, все и обойдется. Ты не наособицу. Нас тут, баб, кто нагулял с ветру ребят, — тысячи тысяч» [Там же, с. 23]. Несмотря на понимание трудного положения племянницы, тетка могла посоветовать только самую тяжелую и примитивную работу: «Место тебе надо получить в прислуги или в прачки, или в поломойки...» [Там же, с. 23]. Она сначала подыскивала работу «приходящей прислуги» у вдового барина с двумя сыновьями-подростками, но там остальные служанки подсунили девушке будто бы золотые часы, потом новый хозяин, женатый купец, стал приставать к ней. В итоге дядя посоветовал работать на «поденщине» — мыть полы на Николаевском вокзале; «Нашлась Марьюшке и другая работа: подметать улицы и площади и сады от дневного столичного мусора» [Там же, с. 28].

Сейчас в печати и интернете появился диалектизм «питерячка»: напр., в «Национальном корпусе русского языка» (НКРЯ) в подкорпусе устной речи, в диалоге собирателя-лингвиста с респондентом в 1998 году приведено 6 взаимосвязанных примеров [НКРЯ, 1998]. В 2003 году словечко появилось в очерке «За жизнь, за волю» А. Мартюкова — в биографии уроженки Яренского уезда Северо-Двинской губернии (1918–1929, б. Вологодской губ.): «Малафиевы родом из Тылавлье и Ошлапье. Эти деревни неподалеку от Лены. Бабушку Дмитрия Ивановича <Малафиева/Малафеева> звали “питерячка”. Александра Григорьевна девочкой ушла на заработки в Петербург, а работу нашла в Шлиссельбурге. Вышла замуж за Антипа, своего земляка. Он был каменщиком и занимался ремонтом в Шлиссельбургском тюремном замке. Перекладывал также печи. Александра вспоминала потом, как она, помогая мужу, таскала по лестницам на “пятый этаж” кирпичи» [Мартюков, 2003, с. 2]. «Пятый этаж» стал устойчивым словосочетанием, подобием фразеологизма, отразившим типичную особенность городской застройки XIX века — 1960-х годов.

После долгого перерыва темы питерячки в 2019 году появляется роман «Восьмой Комплекс Скифа» Александра Ивановича Чистякова-2 (он же имеет псевдоним Свей), 1953 года рождения, родом с северо-востока Тверской области, пограничного с Вологодской областью [Чистяков, 2019]. Это роман о питерячке; возможно, произведение носит автобиографический характер, во всяком случае — в отношении Сашки (он же Олесья Иваныч), наделенного именем автора и посещавшего деревни и села его «малой родины»; повествование ведется от первого лица и включает множество диалектизмов.

В главе («части») «Снежный мой орешек» описана встреча отца и сына с удивительно красивой русской женщиной в дальнем селе Попадино (оно же Попадьино) Тверской области, находящемся в конце пути от их родной деревни Пашково к железнодорожной станции Овиница на маршруте «Ленинград — Москва». Женщина сообщает, что она не проживает постоянно в Попадине, и главный герой (сын) высказывает предположение о ее отходничестве в Питер — возникает диалог: «“Ольга, а я сразу заметил<, > что ты не здешная, а?! тоже что-ли, а? питерячка...” — “Как-как! Как Вы сказали? Питерячка! Ха! Вот так словцо! Что за слово такое? я никогда и не слыхивала, или это и у нас теперь так говорят ровно? Слово! У — у-у! А приятно и монументально тако прозванице. Это у вас так за лесом <, > видать <, > скажут, да? Как там деревни-то называются, про одну я слышала: что-то такое вроде Холм Карельский, потом Кошеево, а еще? Вы-то с которой?”» [Там же]. В итоге герой, оценив странность звучания и, возможно, смыслового наполнения диалектизма «питерячка», отшучивается: «Да Пашково, Рашково, Бесово не слыхала? А мы, али с Десны, с Костромина, я уж и не помню, давно это было... Только я со знакомством побоялся тебя спросить, чтоб не обидеть <, > если не угадал! Питерячка! И точно! Питерь-брячка» [Там же].

Возможно, А. И. Чистяков-2 знал творчество и читал рассказ «Питерячка» А. Чистякова и потому намеренно употребил знакомый ему с детства диалектизм; по его произведениям видна любовь к родному краю, проявляющаяся не только в сельской тематике, но и в обилии местных словечек и фольклорных паремий, а также людских прозвищ и народных переделок топонимов (еще автор иногда ставит знаки препинания по-своему, отражая диалектную орфоэпию). Что касается героини Ольги (она же «Олинька! Оллинка!»), наследующей имя Ольги из «Питерячки» А. Чистякова (1928), то она объясняет свой отъезд из Попадина в прошлом, уравнивая его с жизнью двух прохожих также вдали от родных мест: «Да, господа мои хорошие! Я тоже когда-то <,> как и вы, сердешные, сбежала отседова. От беспросветной колхозной жизни. Да мы ведь наверно ровеснички с твоим-то сыном-то, а! Иван Васильевич?» [Чистяков, 2019].

В отличие от всех предшествующих питерячек, описанных в художественной литературе, Ольга становится отходницей не по собственному желанию и не по стечению обстоятельств, а по совету матери (очевидно, это отражение социальной политики советского государства, преломленной в мировоззрении жителей сельской местности). Молодая женщина рассказывает: «Я тоже после восьмилетки в столицу дунула, то есть в пятнадцать с половиною, и мать, покойница, ни за что не захотела меня тут ставить. Она всё говорила-приговаривала: “Олечка — Олечка, дочечка моя милая! Всё здесь хорошо и любо <,> и ненаглядно <,> и дорого, да родное-родимое до кровиночки, да до самой мелкой пылинки-стеблинки-слезиночки; и поля и леса и избы наши деревянны да неказисты, всё с красоты да лепота. <...> И всё верила им, хрущёвым да сталиным, что скорым-скоро заживём лутше <,> чем за морём! <,> Вся изработалась да ничево не добившись. Разве этот вот дом, дак и тот от родителей доставшись! Езжай-ко — ёжжай, сладынька! в город! Там хоть всё тротуар да кинотеатров на каждом шагу. Да<,> пожалуй<,> тут и с деньгами-то со скуки с ума сойдёшь, разве только на ненадолго вот, погостить, приехать вот! Потоптаться в заулке да на огороде”» [Там же].

Главный герой Сашка не знает местожительство молодой женщины и, предположив изначально в ее образе питерячку, продолжает думать о Ленинграде: «А Ольга вообще не сказала никому, где живёт, и мне всё время казалось, что где-то под Питером» [Там же]. Она действительно сбежала от него в Питер к подруге, которая не понимает смысла такого странного поступка: «Встретила своё солнце и спёрлась в сей синюшный Питер, пьянь-городь-бздишко!» [Там же]. У Ольги родилась дочка, которая теперь ходит в школу в Питере, и через десять лет после первого свидания продолжительностью в четверо суток они встречаются с Сашкой в Старице, на родной Тверской земле.

Роман изобилует диалектной речью, увлекает тонкой нюансировкой мужской психологии, обращенной к совершенной женской красоте и ностальгии по деревенскому детству, уважением к старшим родственникам из числа крестьян. Фактически весь сюжет сводится к внезапно возникшей любви к незнакомой женщине, определяемой повествователем как «питерячка». По сути же «питерячка» не отличается ни особым умом, ни образованностью (несмотря на ее теории про Дарвина и божественное происхождение человека), а притягательна исключительно своей красотой: «Весь её вид взвихрён молочным запахом из прелестных в веснушках ноздрей, раболепен, как земля у ног, и величествен, как Вселенная. А тело соткано из поцелуев белых и розовых лепестков и снежинок, из капельной поверхности смеха и радуг летнего дождя...» [Там же]. Увидев ее первый раз, рассказчик думает о ней как о типичной деревенской жительнице: «Но так остро, по-женски премудро, на меня глянула, когда наши пути-очи сошлись, и засмеялась, как маленькая, в меру нахальная девчонка. Так могут и только возможно в деревне» [Там же]. Однако она оказалась «питерячкой», то есть урожденной сельчанкой, сознательно променявшей свой патриархальный быт и устои предков на неизвестную жизнь в крупном городе.

Типаж питерячки представлен традиционными моментами литературного описания: неперменной поездкой на поезде, обращающей на себя мужское внимание утонченной фигуркой, модной городской одеждой, необычным поведением и самодостаточностью женской персоны, судьбой одинокой женщины. Поезд по-прежнему остается чуждым деревенскому жителю, неслучайно он прибывает ночью на маленькую станцию. Все путешествие с питерячкой фактически происходит в двух поездах.

Первый поезд привез героев в столицу, которой снова стала Москва, а маркером Питера оказывается Ленинградский вокзал; также иной северный город (как бы случайно выбранный Архангельск) манит девушку к себе и ощущается как Питер (в заданных рамках романа о пите-

рячке). По-видимому, любой большой город обладает взаимоисключающими свойствами: он притягивает к себе питерячку и одновременно отталкивает своей чужеродностью «самодельно-огромного города, сладкими язвами автомобильных выхлопов, железа и камня, горячего асфальта, ароматом одеколона и факелами духов проходящих, идущих прохожих за чем-то и с чем-то» (согласование во фразе уточнено нами. — *Е. С.*); двум случайным приезжим оказалось в Москве «страшно» [Там же]. Огромная Москва не интересна героям романа и сузилась для них до Ленинградского и Ярославского вокзалов, расположенных рядом, и фактически превратила все громадное пространство в маленькую точку.

Второй поезд проявляет черты железного чудовища-поглотителя — виновника гибели человека — «вместо ног у валяющегося мужика, так похожего на нашего председателя Первушкина, правда, сзади и замертво, торчали окровавленные кости» и «обнажились обрезанные ровно, как ножом, кости» [Там же], словно это не пешеход нарушил правила движения, а железная машина подхватила его и затащила в свое перемалывающее нутро. Поезд же отнял у главного героя «питерячку», сбежавшую от него вечером на случайной железнодорожной станции сравнительно недалеко от Москвы, не доехав до Ярославля.

Весь роман соткан из подробностей случайно свалившегося на главного героя счастья внезапной любви, но при этом он пронизан предощущением разлуки, написан в тональности душевного страдания, хотя и завершается вроде бы счастливым концом новой встречи. Питерячка как устойчивый литературный типаж, хотя и достаточно редкий, традиционно осмысливается как страдальца, сама уготовившая себе такую судьбу.

Заключение и постановка новых исследовательских задач

Итак, мы выявили и проследили литературную историю питерячки — женской ипостаси отходника (преимущественно крестьянина); девушки или женщины, побывавшей во второй половине XIX — XX веках в Питере — в действительной или прежней столице Российской империи, проживавшей в деревне или маленьком провинциальном городке, получившей профессию или нет (часто необразованной, иногда даже не умеющей читать). В художественной литературе история этой девушки/женщины обычно трагична (или смертельно опасна в начале пути) либо, реже, описана в пародийном плане; акцентируется ее сложная судьба путешественницы-одиночки, хотя у второстепенных героинь-питерячек имеются мужья. Этот тип героини характерен для краеведческой (региональной) художественной литературы северно-русского региона, хотя в дальнейшем большинство авторов произведений про питерячку или хотя бы с ее упоминанием стали общепризнанными российскими писателями. Большая часть таких авторов — мужчины, на их фоне выделяется единственная обнаруженная писательница — Анна Доганович, отличающаяся глубоким проникновением в женскую психологию как питерячки, так и прочих героинь, относящихся к другим социальным слоям. В отличие от «питеряков», впервые описанных в середине XIX века, питерячки появились в художественной литературе уже после отмены крепостного права. Некоторые писатели (напр., И. В. Евдокимов, Е. В. Честняков) создавали художественные образы как питерячек, так и питеряков.

Очевидно, статус питерячки как самостоятельной единицы общества, не прикрепленной наглухо к семье, вольной распоряжаться своей судьбой и перемещаться из одной местности в более далекие края, связан с изменением паспортной системы, с развитием женского профессионального образования (и с возможностью получения женщиной профессии, прежде считавшейся исключительно мужской), с усилением личного самосознания и женской эмансипации в целом. Социальный статус питерячки более широк (от крестьянки до мещанки) по сравнению с питеряком, что обусловлено ее более поздним появлением на исторической арене. Писатели обращают внимание на молодость и благообразную внешность героини, побывавшей в Питере, на красивую и модную городскую одежду; при этом сам столичный город остается чуждым, почти всегда враждебным, его описание всецело построено на контрасте с родным селом или иным маленьким населенным пунктом. Героиня непременно отправляется в Питер на поезде, который часто представлен ужасной механической громадиной, изрыгающей громоподобные звуки; художественная функция поезда необходима для усиления ощущения как прогресса, так

и его опасности для жителей крестьянской России. Из элементов автоматики иногда встречаются карманные часы-луковицы, более присущие питерякам, у которых они составляют обязательную часть костюма.

Среди обнаруженных нами писателей, устремивших свой взор на питерячек, — П. В. Засодимский, А. Н. Доганович, Е. В. Честняков, И. В. Евдокимов, А. Чистяков и А. И. Чистяков-2 (Свей), А. Мартюков. Все они писали о питерячках с использованием диалекта, желая подчеркнуть региональный колорит произведения. Питерячка всегда показана с точки зрения крестьян или выходцев из этого сословия, даже если автор принадлежал к дворянам (как П. В. Засодимский и А. Н. Доганович). Обращение к питерячке как к определенному историческому типу и способы его репрезентации свидетельствуют о поиске писателями новых форм литературного фольклоризма.

Наследница питерячки в общественном сознании, но не полный ее аналог, — лимитчица, однако это отдельная тема исследования. Равно необходимо лингвистам-диалектологам обратить внимание и на диалектизм «питерячка», до сих пор не зафиксированный в диалектных и прочих печатных словарях (хотя он появился в интернете и в Национальном корпусе русского языка), и постараться обнаружить его в диалектологических экспедициях, выявить ареал бытования, пока он не вышел из повседневной устной речи.

Список источников

1. Громов А. Г. Воспоминания о Е. В. Честнякове // Честняков Е. В. Поэзия / сост., вступ. ст. Р. Е. Обухова. — М. : Компьютерный аудит, 1999. — С. 288–318. — (Сокровища российские).
2. Доганович А. Питерячка // Русская мысль. — 1903, авг. № 8. Паг. 1. — С. 128–160.
3. Евдокимов И. В. Портрет Василия Мещерина. — М. : ОГИЗ ; ГИХЛ, 1934. — 435 с.
4. Есенин С. А. Собр. стихотворений : в 4 т. Т. 4 : Стихи и проза / сост. И. В. Евдокимов. — М. ; Л. : Госиздат, 1927. — 516 с. ; 2-е изд. — Л. : Б-ка всемир. лит., 1928.
5. Засодимский П. В. (псевд. Вологдин). Хроника села Смурина. — СПб. : Тип. А. А. Краевского, 1875. — 260 с.
6. Максимов С. В. Лесная глушь: картины народного быта из воспоминаний и путевых заметок : в 2 т. — СПб. : Изд. книгопродавца-типографа К. П. Плотникова, 1872. — Т. 2. — 334 с.
7. Мартюков А. За жизнь, за волю // Советская мысль. Великий Устюг. — 2003, 14 марта. — С. 2, 4.
8. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). — URL : <https://ruscorpora.ru/word/spoken?req=питерячка&gr=S> (дата обращения: 12.05.2024).
9. Некрасов Н. А. Собр. соч. : в 4 т. — М. : Правда, 1979. — Т. 2. — 416 с.
10. Самоделова Е. А. Петербург и «питеряки». «Питерщики» в оценке художника Е. В. Честнякова и его земляков // Народная культура в городе и деревне. Формы бытования. Взаимодействие. Трансформации / отв. ред. С. П. Сорокина. — М. : Ин-т искусствознания, 2025.
11. Серов И. А. Необычная жизнь. — Кострома : Изд-во КГУ им. Н. А. Некрасова, 2002. — 365 с.
12. Сравнительный указатель сюжетов (СУС): восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. — Л. : Наука, 1979. — 437 с.
13. Черникова Н. В. Государственный совет в политической системе Российской империи второй половины XIX века : дис. ... д-ра ист. наук. — М. : Ин-т рос. истории РАН, 2022. — 526 с.
14. Честняков Е. В. Поэзия / сост., вступ. ст. Р. Е. Обухова. — М. : Компьютерный аудит, 1999. — 336 с. — (Сокровища российские).
15. Чистяков А. Питерячка // Звезда. — 1928. — № 12. — С. 56–66.
16. Чистяков А. И. Восьмой Комплекс Скифа. — 2019. — URL : <https://proza.ru/2019/06/21/1377> (дата обращения: 10.05.2024).

References

1. Gromov A. G. Memoirs about E. V. Chestnyakov. *Chestnyakov E. V. Poeziya. Sost., vstup. st. R. Ye. Obukhova*. [Chestnyakov E. V. Poetry. Compiled and intr. by R. E. Obukhov]. Moscow, Komputerny Audit, 1999, pp. 288–318. (Treasures of Russia). (In Russian).
2. Doganovich A. Piteryachka. *Russkaya Mysl*. [Russian Thought]. 1903, August, iss. 8, pg. 1, pp. 128–160. (In Russian).
3. Yevdokimov I. V. *Portret Vasiliya Meshcherina*. [Portrait of Vasily Meshcherin]. Moscow, OGIZ; GIKHL, 1934, 435 p. (In Russian).
4. Yesenin S. A. *Sobr. stikhotvoreniy: v 4 t. T. 4: Stikhi i proza. Sost. I. V. Yevdokimov*. [Collected Poems, in 4 Volumes. Vol. 4: Poems and Prose. Compiled by I. V. Evdokimov]. Moscow; Leningrad, Gosizdat, 1927, 516 p. Leningrad, Biblioteka vseмирnoy literatury, 1928. (In Russian).

5. Zasodimsky P. V. (pseudonym: Vologdin). *Khronika sela Smurina*. [Chronicle of the village of Smurino]. St. Petersburg, A. A. Kraevsky Publ., 1875, 260 p. (In Russian).
6. Maksimov S. V. *Lesnaya glush: kartiny narodnogo byta iz vospominaniy i putevykh zametok: v 2 t.* [Forest wilderness: pictures of folk life from memoirs and travel notes: in 2 volumes]. St. Petersburg, K. P. Plotnikov Publ., 1872, vol. 2, 334 p. (In Russian).
7. Martyukov A. For life and freedom. *Sovetskaya mysl*. [Soviet thought]. Veliky Ustyug, 2003, March 14, pp. 2, 4. (In Russian).
8. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka (NKRYa)*. [National Corpus of the Russian Language (NCRYa). Available at: <https://ruscorpora.ru/word/spoken?req=piteryachka&gr=S> (accessed: 12.05.2024). (In Russian).
9. Nekrasov N. A. *Sobr. soch.: v 4 t.* [Collected Works: in 4 volumes]. Moscow, Pravda, 1979, vol. 2, 416 p. (In Russian).
10. Samodelova E. A. Petersburg and the “Piteryaks”. “Piteryaks” as shown by artist E. V. Chestnyakov and his fellow countrymen. *Narodnaya kultura v gorode i derevne. Formy bytovaniya. Vzaimodeystviye. Transformatsii. Otv. red. S. P. Sorokina*. [Folk culture in cities and in the countryside. Forms of existence. Interaction. Transformations. Ed. by S. P. Sorokin]. Moscow, Institute of Art History Publ., 2025. (In Russian).
11. Serov I. A. *Neobychnaya zhizn*. [An unusual life]. Kostroma, KSU named after N. A. Nekrasov Publ., 2002, 365 p. (In Russian).
12. *Sravnitelnyy ukazatel syuzhetov (SUS): vostochnoslavyanskaya skazka. Sost. L. G. Barag, I. P. Berezovskiy, K. P. Kabashnikov, N. V. Novikov*. [Comparative Index of Folklore Plots (SIP): East Slavic Fairy Tale. Compiled by L. G. Barag, I. P. Berezovsky, K. P. Kabashnikov, N. V. Novikov]. Leningrad, Nauka Publ., 1979, 437 p. (In Russian).
13. Chernikova N. V. *Gosudarstvennyy sovet v politicheskoy sisteme Rossiyskoy imperii vtoroy poloviny XIX veka: dis. ... d-ra ist. nauk*. [The State Council in the Political System of the Russian Empire in the Second Half of the 19th Century: dis. ... of Doctor of History]. Moscow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, 2022, 526 p. (In Russian).
14. Chestnyakov E. V. *Poeziya. Sost., vstup. st. R. Ye. Obukhova*. [Poetry. Compiled, intr. by R. E. Obukhov]. Moscow, Komputerny Audit Publ., 1999, 336 p. (Treasures of Russia). (In Russian).
15. Chistyakov A. Piteryachka. *Zvezda*. [Star]. 1928, iss. 12, pp. 56–66. (In Russian).
16. Chistyakov A. I. *Vosmoy Kompleks Skifa*. [The Eighth Complex of Scythian]. 2019. Available at: <https://proza.ru/2019/06/21/1377> (accessed: 10.05.2024). (In Russian).

Информация об авторе

Самоделова Елена Александровна — доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук.

Сфера научных интересов: русский фольклор, русская литература первой половины XX века, текстология фольклора и русской литературы XX века, полевая фольклористика.

Information about the author

Samodelova Elena Aleksandrovna — Doctor of Philology, Senior Researcher at the A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

Research interests: Russian folklore, Russian literature of the first half of the 20th century, textual criticism of folklore and Russian literature of the 20th century, field folklore studies.

Статья поступила в редакцию 02.02.2025; принята к публикации 12.03.2025.

The article was submitted 02.02.2025; accepted for publication 12.03.2025.